

11. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня; Коммент. С. С. Бычкова. — М., 1990. — 269 с.

12. Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения в Судальской емле 1024 г. // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сборник статей к IX Международному съезду славистов. — Л., 1983. — С. 19-38.

13. Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. 2-е и д., испр. / Пер. с англ. Д. Вольпина; Пред. и коммен. С. А. Токарева. — М., 1985. — 511 с.

А. А. Слюсарь

ВРЕМЯ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

Известно, что Пушкин воспринимал движение времени с исключительной остротой. Это сказалось на его понимании жанровой природы романа. Так, он начинает рецензию «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» с определения: «В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» [9, 102]. Примечательна эта оговорка: «В наше время...». Речь идет, следовательно, лишь об одном из моментов в понимании данного жанра и, очевидно, в самом его развитии. Словом, временной аспект здесь на первом плане.

Отметим, что в той концепции, которую выдвинул Гегель, подразумевается отражение в романе динамики жизни, поскольку «прозаическое» состояние, в условиях которого он возник, пришло на смену «героическому», или «эпическому», состоянию мира [3, 474]. Эта мысль получит особое развитие у М. М. Бахтина, утверждавшего, что роман воссоздает «незавершенное настоящее». Ведь в нем отображается становление новой целостности, заключающейся в выходе «европейского человечества... из условий социально замкнутого и глухого полупатриархального существования в новые условия международных, междязычных связей и отношений» [1, 455]. Пушкин же, говоря об «исторической эпохе», указывает на воспроизведение одного из этапов этого процесса, то есть форми-

рования личности, устанавливающей новые отношения с миром. При этом подчеркивается, что эпоха воссоздается при помощи вымысла.

Работа над «Капитанской дочкой» заставит Пушкина вернуться к своему определению романа. Видоизменив его применительно к воспроизводимой ситуации, он писал в предполагавшемся предисловии: «Читателю легко будет распознать нить истинного происхождения, проведенную сквозь вымыслы романические» [6, 928]. Это «истинное происшествие», состоявшее в службе Шванвича у Пугачева, — оно упомянуто и в письме к цензору П. А. Корсакову от 25 октября 1836 года [11, 599] — не лишено двойственности. Являясь реальной частицей эпохи, оно относится вместе с тем к сфере индивидуального и, следовательно, может быть преобразованным в «вымыслах романических»...

Итак, эпоха и индивидуальность, общее и единичное, достоверность и вымысел — те начала, столкновение которых формирует во многом отображение времени в «Капитанской дочке». При этом определяющая роль может переходить то к одной, то к другой тенденции. Разумеется, влияют на воссоздание временных отношений и другие факторы, о чем речь пойдет дальше. Вообще, время, воссозданное в произведении, характеризуется в той или иной мере условностью, как и любое отображение.

С этой особенностью художественного времени столкнулся В. Б. Шкловский, когда обратил внимание на стремление Пушкина связать события в романах «Дубровский» и «Капитанская дочка» с дворцовым переворотом 1762 года. Писателю пришлось отказаться от этого намерения, чтобы избежать хронологической ошибки [15, 85]. Эта дата исчезает полностью в «Дубровском», действие которого происходит лет через шестьдесят после дворцового переворота, а в «Капитанской дочке» лишь частично: «Упоминание имени Миниха точно дает недописанную дату — 1762 год» [16, 556]. Разумеется, Пушкин имел в виду не 1742 год, когда фельдмаршал был отправлен в ссылку, а тот, который наступил двадцать лет спустя, когда он был возвращен по воле Петра III. Об этом свидетельствуют подсче-

ты, сделанные в рукописи в связи с тем, что герой не успевал повзреть к 1773 году:

1773

18

/17/55 (6, 928).

Герой должен был родиться в 1755 году, а не после 1762 года, чтобы достигнуть совершеннолетия к 1773 году, когда началась пугачевщина. Между тем Пушкину был важен 1762 год, определивший ход исторических событий, а значит, и судьбы героев романа-эпопеи.

Противоречие между объективным и субъективным в отображении времени, между его реальным движением и психологической наполненностью в произведении может быть охарактеризовано, пожалуй, как закономерность. Она проявляется в разных отношениях, представая в качестве одного из частных случаев художественной условности.

Так, Гринев, говоря о времени, когда он впервые услышал о пугачевщине, вспоминает: «Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны» [8, 447]. Здесь настроение, погода, время суток и пора года слиты воедино. В них выражена психологическая ситуация, состоявшая в подавленности героя, который испытывал тогда упадок духа. И в начале же октября он, оставив Белогорскую крепость, захваченную пугачевцами, прибыл в Оренбург, как об этом сообщает Андрей Карлович в письме, адресованном в следственную комиссию. Ведь это должно было случиться до того, как Пугачев начнет осаду Оренбурга. Началась же она, как указывает сам автор «Истории Пугачева», 5 октября [10, 180]. Таким образом, два эпизода совпали во времени, несмотря на разделяющий их ряд событий.

После того, как Гриневу стало известно о Пугачеве, выступившем под именем Петра III, Василиса Егоровна искусно выведала тайну «военных приговоров» в крепости; Иван Кузьмич послал урядника разведать; тот вернулся через два дня и заявил, что ничего не узнал; затем будет схвачен башкирец с «возмутительными письмами»; его станут допрашивать... И тут от Василисы Егоровны

услышат: «Нижнеозерная взята сегодня утром». На следующий день эта же участь постигнет Белогорскую крепость, а затем Гринев отправится в Оренбург... 5 октября к этому времени должно было уже давно наступить.

Кстати, реальную Нижнеозерную крепость пугачевцы захватили, как отмечается в «Истории Пугачева», 26 сентября [10, 171]. Если в «Капитанской дочке» имеется в виду именно она, то с Белогорской крепостью должно было бы случиться то же самое 27 сентября, то есть за неделю примерно до того, как Гриневу станет известно о пугачевщине. Но в художественном произведении история и география не совсем те, что в действительности...

Еще разительнее обстоит дело в этом отношении с первыми впечатлениями Гринева от Белогорской крепости. Описав поездку в нее, он отмечает: «Между тем начало смеркаться». Но, несмотря на то, что ему предстояло еще увидеть «деревушку, окруженную бревенчатым забором», вехать в нее, побывать в домике коменданта, добраться до отведенной ему квартиры, оказавшейся «на самом краю крепости», вечер все же так и не наступил. Поэтому Гринев смог увидеть следующую картину: «Передо мной простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избушек; по улицам бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня...» [8, 419]. Упоминание о наступающих сумерках и картина степной глуши разьединены сценой знакомства с Василисой Егоровной, поэтому продление писателем дня произошло незаметно. Понадобилось оно по той же причине: необходимо было передать душевное состояние героя, сначала долго добравшегося до деревушки, гордо именуемой «крепостью», а затем удрученного ее видом.

По свидетельству Эккермана, 18 апреля 1827 года Гете, указав на нарушения правдоподобия у Рубенса и Шекспира, объяснил их преобразованием жизненного материала в художественное «целое». При этом он особо выделил «прагматический» аспект, воздействие на зрителя или читателя, высказавшись о Шекспире так: «Ему важно было одно: моментальное впечатление» [17, 526]. В эпическом произведении существеннее, пожалуй, «семантика». Пушкин

кин создал в «Капитанской дочке» художественный мир, характеризующийся многогранностью. Поэтому в нем пролегают разные временные линии...

Формой бытия этого мира является в эпосе событие. Формами же реальной жизни выступают пространственно-временные отношения. Отсюда – возможность противоречий между событийным рядом и изображением времени.

Одно из проявлений этого несоответствия – исчезновение временного аспекта. Так, в изображении поездки Гринева из дому в Оренбург поначалу событийный и временной ряды совпадают: на каждый из четырех дней пути приходится определенное происшествие: отъезд, проигрыш Зурину, буран, решение подарить «вожатому» заячий тулупчик.. Но затем движение во времени уступает место перемещению в пространстве. Описав сцену с заячьим тулупчиком, Гринев сообщает: «я отправился далее... Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу» [8, 413]. Случилось ли это в тот же день, когда он расстался с «вожатым», неизвестно.

Сходная ситуация возникает и при изображении пути в Оренбург из Белогорской крепости. Глава «Разлука» завершается рассказом о том, как Гринев и Савельич отправляются пешком, но их догоняет урядник, чтобы передать «царский подарок» – башкирскую лошадь, овчинный тулуп и полтину денег, которую он, впрочем, по его словам, растерял дорогой. А следующая глава «Осада города» начинается с сообщения, что Гринев прибыл в Оренбург и его приводят к генералу, находившемуся как раз в саду. Тот, слушая «со вниманием» рассказ «об ужасных происшествиях», «между тем обрезывал сухие ветви», сохраняя, таким образом, душевную безмятежность. Затем следует приглашение на военный совет и изображение заседания, состоявшегося в тот же день. Таким образом, остается неясным, произошло ли все это в течение того же дня, в начале которого Гринев оставил Белогорскую крепость, находившуюся в сорока верстах от Оренбурга.

Тем не менее в «Капитанской дочке» день – основная единица времени, в пределах которой совершается обычно то или иное событие. Но длительность его отображе-

ния, так сказать, «композиционное время», зависит от важности события. Наиболее подробно изображен тот день, в который пугачевцы берут приступом Белогорскую крепость. Ему посвящены из четырехнадцати глав романа эпопеи, охвативших около двадцати лет жизни героя, две главы: «Приступ» и «Незванный гость». Являясь седьмой и восьмой по счету, они занимают центральное место в произведении и передают кульминацию в развитии сюжета.

Вместе с тем следует отметить, что события обычно образуют целую цепь, представленную не одним днем, а группой дней. Таких групп в «Капитанской дочке» около десяти, начиная с того осеннего вечера, когда судьба героя была определена его отцом и кончая тем осенним утром, когда героине удалось изменить ее, обратившись за помощью к императрице. Разумеется, их длительность различна, Это же можно сказать о промежутках между ними, в течение которых в жизни героя не происходит перемен, и он как бы застывает в определенном психическом состоянии.

Самым продолжительным является тот промежуток, который наступает после того, как Марья Ивановна отказывается вступить в брак с Гриневым без родительского благословения, и заканчивается, когда Гринев узнает о восстании Пугачева. Не обратив на него внимания, Марина Цветаева сблизила отъезд героя из дому и события пугачевщины. Поэтесса пишет: «Между Гриневым – дома и Гриневым – на военном совете три месяца времени» [13, 78]. Полвека спустя в статье Н. Кондратьевой-Мейксон утверждалось: «Время, прошедшее со дня выезда Гринева из дому до военного совета, вычислено М. Цветасвой достаточно точно: оно действительно равно почти трем месяцам, точнее, двум с половиной месяцам...» [5, 168]. Но если старший Гринев решает отправить сына «в службу» в один из осенних вечеров, а заседание военного совета в Оренбурге происходит в начале октября, то не только три, а и два месяца не могут поместиться между этими двумя событиями. Ясно, что это две разные осени. И, конечно, прав Н. В. Измайлов, указавший, что «события, описанные в «Капитанской дочке», охватывают около двух лет – с начала зимы 1772-1773 по январь 1775 года» [4, 182].

Кстати, в «Пропущенной главе» герой, рассказывая о встрече с родителями, которая могла произойти только летом 1774 года, говорит: «Оба смотрели на меня с изумлением, — три года военной жизни так изменили меня, что они не могли меня узнать» [8, 546]. В окончательном тексте уточнено: изображены два года службы (вместе с арестом)...

Попутно отметим, что время в «Капитанской дочке», в отличие от «Евгения Онегина», не «расчислено по календарю». Те «странные обстоятельства», на которых сосредоточено внимание автора «семейственных записок», не связаны для него непосредственно с жизнью природы. Происходящий в ней круговорот лишь изредка попадает в его поле зрения. Главным образом в те дни, когда изменялась его судьба. Случалось же это в одну и ту же пору года: осенью он оставляет дом, осенью узнает о пугачевщине и осенью же Марья Ивановна отправляется в столицу хлопотать о его судьбе. Поэтому у читателя впрямь может сложиться впечатление, что действие произведения происходит в течение одной и той же осени.

Права же Цветаева, когда указывает на стремительность духовного развития Гринёва. Но при этом она преувеличивает субъективность его изображения, утверждая, что с явлением на сцену Пугачева «на наших глазах совершается превращение Гринёва в Пушкина» [13, 378]. На самом деле происходит другое: герой «Капитанской дочки», вопреки сословным предрассудкам, начинает ощущать свою принадлежность ко всему человеческому роду, а не к одной привилегированной его части.

Характерной формой отхода от сословного миропонимания явилось становление личности так называемого «частного человека». В этот процесс индивидуальности могла вовлекаться и против собственной воли, подчиняясь диктату обстоятельств. Так, Пушкин, приступив непосредственно к работе над «Капитанской дочкой», пишет автобиографию, в которой упоминает своего деда Льва Александровича: тот «в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года». С тех пор он уже на службу не вступил и жил в Москве и в своих деревнях» [10, 77]. Судьба мягче отнеслась к старшему Гринёву, но он так

был вынужден избрать образ жизни, который окажется близким «частному человеку». Этот же путь ожидал и героя «Капитанской дочки».

Более общей чертой переломной эпохи, наступившей после 1762 г., является европеизация русского общества, связанная с «выходом его из полупатриархального состояния» (М. М. Бахтин). Начатая петровскими реформами, она во второй половине XVIII века приобретает органическое развитие. Её отражением и является стремительный духовный рост Гринёва. В его духовном облике намечаются черты личности, которые сформируются полностью в XIX веке.

Одно из знамений наступавшего нового времени — явление Бопре в доме Гринёвых. Так мотивируется приближение героя произведения к европейской культуре («проклятый мусье всему виноват», — твердит Савельич). Несмотря на ироническое замечание, что Бопре предпочел оставить своего ученика в покое, выучившись у него «кое-как болтать по-русски», Гринёв поймет французскую речь Швабрина при их знакомстве, станет «упражняться» в переводах, в нем пробудится «охота к литературе».

Эта метаморфоза «недоросля» отчасти объясняется условностью художественного отображения. Одно из проявлений условности — компромисс, на который пришлось, как уже отмечалось, пойти автору при определении возраста героя. Но действительно ли нужно точно указывать год рождения вымышленного лица? Старший Гринёв забывает, оказывается, когда родился его сын. Авдотья Васильевна напоминает, прибегая к домашнему летоисчислению: «Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...» (8, 396). Так как разговор происходит за год до пугачевщины, то есть в 1772 году, а возраст Петруши указан («пошел семнадцатый годок»), то произвести подсчеты нетрудно, но стоит ли? Тем не менее доводить дело с возрастом героя до полной условности Пушкин не стал. Поэтому тот оказывается совсем юным: моложе будущей жены. Впрочем, прецедент в этом отношении уже был. Герой «Русского Пелама» рассказывает: «Отец мой был пожалован сержантом, когда еще бабушка была им брюхата... Он женился

против воли своих родителей на девушке, которая была старше его несколькими годами... Старый Савельич, его камердинер, сказывал мне, что первые годы супружества были счастливы» (8, 595). Ситуация, намеченная в этом незавершенном пушкинском романе мимоходом, развилась в одну из главных сюжетных линий «Капитанской дочки».

Решающее же значение для духовного роста героя романа-эпопеи имели события крестьянской войны. Они поставили его лицом к лицу с историей и открыли ему поэтичность людей из народа. Описывая душевный кризис, пережитый им, когда отец отказал в согласии на его женитьбу, он рассказывает: «Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал» [8, 445]. Пушкин не воссоздает это душевное состояние, и движение времени в его произведении прерывается. Возобновляется духовное развитие Гринева, когда начинается крестьянская война. Он отмечает: «Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение» [8, 445]. Так снова время приходит в движение.

Крестьянская война поставила Гринева в «странные обстоятельства». Они предсказаны во сне, что подчеркивает их особое значение. При этом, как и в изображении сна Руслана, а затем Татьяны, возникает настоящее время, сочетающееся с прошедшим временем, обычным для эпоса. Ведь видения представлены в непосредственном восприятии... Руслан во сне «видит», Татьяна «глядит», Гринева же, естественно, ведет речь от первого лица: «вижу...» Он вспоминает: «вижу... матушка встречает меня на крыльце... Вижу... у постели стоят люди с печальными лицами... вижу в постеле лежит мужик с черной бородою...» [8, 409]. Поскольку в настоящем времени фиксируется переживаемое мгновение, то оно вследствие незавершенности приобретает вневременное значение. Но в «Капитанской дочке» последующие события не только повторяют сновидения, действительность оказывается невероятнее приснившегося. Гринева, как и во сне, откажется поцеловать «жилистую» мужицкую руку, но затем испытает не только ужас перед «страшным мужиком», а и

чувство благодарности к нему, которое едва ли не перерастет в дружескую привязанность.

Стремительность духовной эволюции Гринева напоминает трансформацию сказочного героя, проявляющего, в отличие от старших братьев, вместо благоразумия, мудрость. И. П. Смирнов показал, что «Капитанская дочка» и впрямь близка к волшебной сказке: герой выдерживает «испытания» и проходит через «смерть-воскресение» [12, 312]. Кстати, Гринева, описав сцену признания в любви, заявляет: «Счастье воскресило меня» [8, 438]. Обряд инициации, легший в основу волшебной сказки, отразился по-своему и в евангельской притче о «блудном сыне», в которой «смерти-воскресению» придано нравственное, духовное значение. Эта ситуация несет отпечаток представления о «вечном возвращении». Переосмыслив ее, В. Скотт развил мысль, что героя, оставившего отчий дом, ожидает вовсе не омут греховности, а водоворот исторических событий, поэтому цикличность происходящего у него уступает место линейности.

Дальнейший шаг сделан Пушкиным, у которого встреча человека с историей означает преобразование его личности.

Сам автор «семейственных записок» убежден, что он родился в век «варварства». Но создаются эти «записки», как ему представляется, когда наступило время гуманизма. Форма «мемуаров» выражает, таким образом, противопоставление двух эпох. Изображая жестокость своего века, «мемуарист» благословляет судьбу, что дождался «до кроткого царствования Александра», и дивится «быстрым успехам просвещения и распространения правил человеколюбия» [8, 455]. Но под эпилогом, принадлежащим «издателю», стоит дата: «19 окт. 1836». Она обозначает эпоху, наступившую после 14 декабря 1825 года, когда начался новый виток исторической спирали. Таким образом, оппозиция «варварство-гуманность» снимается.

В литературоведении обращалось внимание, что цифры «19» и «26» имели для Пушкина символическое значение [2, 254]. 19 октября – день открытия Лицея, 26 мая – день рождения. Они обозначали не только начало, но и завершение. В эти дни подводились итоги, 26-м сентября 1830 года Пушкин датировал составление «плана» накануне

завершенного, как он тогда думал, романа «Евгений Онегин». Символической датой заканчивается и «Капитанская дочка».

19 октября 1836 года исполнилась двадцать пятая годовщина основания Царскосельского лицея. В стихотворении, посвященном этой дате, отображается минувшая эпоха, наполненная славой 1812 года, и говорится о наступлении новой эпохи. О ней сказано в последних строчках оставшегося незавершенным стихотворения: «И над землей сошлись новы тучи, И ураган их...» [7, 376]. Вместе с тем 19-м октября датирован неотосланный ответ автору «Философического письма». Вступая в спор с П. Я. Чаадаевым, утверждавшим, что России, обособившись от человечества и оказавшись вне истории, живет «без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» [14, 325], Пушкин выражал уверенность, что у нее «свое особое предназначение», но соглашался с оценкой ее современной общественной жизни: «это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству - поистине могут привести в отчаяние» [II, 876]. Несколько раньше он навеки запечатлел свое время в формуле: «жестокий век».

Образу времени в «Капитанской дочке» свойственна прежде всего реальность. В ее основе - объективность, обусловленная во многом историзмом мышления, показом зависимости характеров от эпохи. Изображена переломная эпоха. Это время, когда из-за сословной маски начинало выглядывать лицо индивидуальности. Но тем самым временные отношения наполняются с особой интенсивностью психологическим содержанием, которое подчиняет себе их отображение, что сообщает ему черты условности. Точнее, накладывает свой отпечаток на общую тенденцию. Ведь отображению свойственна вообще условность, принимающая в эпосе особый вид, поскольку в нем целостность мира воссоздается в форме события.

Литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. - М., - 1975. - С. 447-483.

2. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. - Wien., 1992. - 396 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. - В 4 т. - М., 1971. - Т. 3. - 621 с.

4. Измайлов Н. В. «Капитанская дочка» // История русского романа. - В 2 т. - М. - Л., 1962. - Т. 1. - С. 180-202.

5. Кондратьева-Мейксон Н. По какому календарю? / Время и пейзаж в «Капитанской дочке» // Вопросы литературы. - 1987. - № 2. - С. 168-76.

6. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 16 т. - М. - Л., 1940. - Т. 8. - Ч. 2. - 1940. - С. 497-1117.

7. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 10 т. - М., 1963. - Т. 3. - 558 с.

8. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 10 т. - М., 1964. - Т. 6. - 836 с.

9. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 10 т. - М., 1964. - Т. 7. - 765 с.

10. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 10 т. - М., 1964. - Т. 8. - 596 с.

11. Пушкин А. С. Полное собр. сочинений.: В 10 т. - М., 1966. - Т. 10. - 903 с.

12. Смирнов И. П. От сказки к роману // История жанров в русской литературе X-XII вв. - Л., 1972. - XXVII - С. 284-320.

13. Цветаева Марина. Пушкин и Пугачев // Сочинения. - В 2 т. - М., 1980. - Т. 2. - С. 368-396.

14. Чаадаев П. Я. Философические письма /1829-1830/ // Полное собр. сочинений и избранные письма. - М., 1991. - Т. 1. - С. 320-440.

15. Шкловский Виктор. Заметки о прозе Пушкина. - М., 1937. - 144 с.

16. Шкловский Виктор. Тетива. О несходстве сходного // Собр. сочинений. - В 3 т. - М., 1974. - Т. 3. - С. 465-786.

17. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. - М., 1981. - 687 с.